

УДК 821.161.1:140.8

ПОВЕСТЬ М. ГОРЬКОГО “МАТЬ”: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

О. В. Чембровиц

В данной статье рассмотрена повесть М. Горького «Мать» в рамках нового взгляда на теорию соцреализма. Проанализированы также основные философские идеи, воплощенные автором в этом произведении, выявлена религиозно-философская концепция повести.

Ключевые слова: образ, христианство, социализм, религия.

Для русской литературы первой трети XX в. характерно функционирование разных художественных систем и тенденций. В их ряду должен быть рассмотрен и творческий метод пролетарской литературы, который в 30-е гг. получил название “социалистический реализм”. Потребность в новом определении ощущалась многими писателями и критиками, о чем свидетельствовали поиски вариантов: “новый реализм” (А. Воронский), “новая реалистическая школа” (А. Луначарский), “тенденциозный реализм” (В. Маяковский), “монументальный реализм” (А. Толстой), а также “пролетарский реализм”, “социалистический романтизм” и т. д. Принятое определение — “социалистический реализм” — было ретроспективно перенесено на характеристику горьковских “Мещан”, “Матери”, “Врагов”. Тема “Горький — основоположник социалистического реализма” стала ведущей в советском литературоведении, а повесть М. Горького “Мать” традиционно рассматривали как “модель соцреализма”.

Говоря о религиозно-философской концепции повести, не будем нарушать традиций и рассмотрим это соцреалистическое произведение в привычных рамках. Для этого обратимся к выводам современных исследователей этого литературного метода (Б. Гройс, И. Смирнов, В. Страда), которые говорят о том, что теория соцреализма является синтезом трех начал: ницшеанства, марксизма и богостроительства [5]. В. Страда к “трем источникам социалистического реализма” относит: 1) богостроительство, связанное с ницшеанством и марксизмом; 2) марксистское направление гегельянского толка, возглавляемое в 30-е гг. Г. Лукачем и М. Лифшицем в журнале “Литературный критик”; 3) теорию партийности литературы и шире — вообще теорию “пролетарской” и “социалистической” революции [11; с. 97]. Поскольку отмеченные В. Страдой второй и третий источники относятся к 30-м гг., то есть к новому этапу развития явления, мы в вопросе о генезисе соцреализма ограничимся рассмотрением ницшеанских, марксистских, богостроительских его корней. Не ссылаясь ни на Маркса, ни на Ницше, а может, и не чувствуя своей причастности к их идеям (они, как говорится, носились в воздухе), Горький-художник утверждал свое активное отношение к миру, испытывал желание его кардинально переделать. По сравнению с литературой XIX в., можно говорить о качественно новом характере социальной активности горьковского положительного ге-

роя. Слова М. Горького "Только люди безжалостно-прямые и твердые, как мечи, — только они пробьют" можно поставить эпиграфом к галерее положительных героев соцреализма. Ницшевский сверхчеловек обернулся у М. Горького героем нового типа, "суперменом революции" с глазами "стальной синевы", и это воплощение мы обнаруживаем в образе Павла Власова.

Согласно привычной трактовке образа Павел Власов герой, приносящий себя в жертву во имя высоких идеалов, во имя блага человечества. Исследователи отмечают, что в "Матери" же закладывался и канон героя, приносящего искупительную жертву, переступающего во имя высокой цели не только через свои собственные желания, но и через своих близких. Апостольское имя Павел, его строгое лицо, монашеская суровость, обреченность на тюрьмы и ссылки, непосредственные отсылки к Евангелию рожают ассоциации со словами известного послания: "Меня уже приносят в жертву... Но ты переноси скорбь..., совершай дело благоверника, проповедуй слово" [2; с. 546].

Подобная, ставшая традиционной, трактовка образа Павла кажется спорной. Нельзя не согласиться с выводами А. Кунарева, который отмечает, что М. Горький стремился к тому, чтобы не осенить венцом избранничества Павла Власова. Перед нами не Павел, апостол новой веры, а скорее, Савва, "революционный кузнечный молот", который, сам того не замечая, жесточайше попирает и гнетет материнское чувство. В разговоре с матерью он безжалостно заявляет: "Есть любовь, которая мешают человеку жить" [3, т. 8, с. 112]. Перед нами персонаж, вобравший в себя философские идеи Ф. Ницше.

В жизни этого персонажа главное — поклонение самому себе, самолюбование: "— Не надо, Паша! Я понимаю, — иначе тебе нельзя, — для товарищей ... — Нет! — сказал он. — Я это — для себя" [3, т. 8, с. 112].

Павла уговаривают отказаться от намерения нести знамя во время первомайской демонстрации, мотивируя это тем, что на свободе он принесет больше пользы своему делу. Он отказывается. Почему? А потому, что будничная, неблагодарная работа, которой ежедневно занимаются Людмила, Николай, Саша и многие другие, не для него. Ему нужно восхищение, он прочно занял позицию лидера, стал своего рода эмблемой. На побег из тюрьмы он не соглашается исключительно потому, что ему нужно выступить на суде с обличительной речью. Он любит себя также, как делают это герои ранних рассказов Горького (подобно ему, несущие в себе черты идеологии Ницше), но в противоположность им, оставаясь объектом писательского внимания, по сути, оказывается в стороне от авторских идеалов.

Нельзя не заметить также такую черту повести, как значительное "обезличивание" некоторых персонажей. Нет индивидуальности в образах революционеров. Николай Иванович сливается в нашем сознании с Егором Ивановичем, Сашенька и Наташа также почему-то очень похожи, а революционеры-подпольщики и вовсе безлики.

И. А. Есаулов отмечает, что "если в пределах христианской системы ценностей безличность (и, соответственно, обезличивание) человека означает забвение им божественного образа (лика) в себе, то с атеистических позиций обезличивание —

это, напротив, именно стремление к Богу, к коллективу как форме его воплощения” [6, с. 167]. Данный тезис еще раз подтверждает сказанное выше о том, что повесть “Мать”, являясь произведением соцреалистическим, отражает богостроительские устремления.

Но автор воплотил в своей повести еще и иную религиозность, имеющую мало общего как с богостроительством Богданова и Луначарского, так и с ортодоксальным христианством. Носителем, выразителем, а точнее выразительницей этой религиозности является главная героиня повести — Пелагея Ниловна Власова.

Отметим, что автор не стремится к обезличиванию этого персонажа, скорее, напротив, резче и четче на фоне похожих друг на друга фигур выделяется, вырисовывается образ Ниловны. А “серая масса” воспринимается лишь фоном, на котором ярче видна индивидуальность героини, что свидетельствует о том, что именно мать обожествляется автором, а вовсе не коллектив.

Создав этот образ, М. Горький выступает как носитель религиозной морали. Конечно же, нельзя говорить о приверженности религии ортодоксальной, подлинной; писателю были гораздо ближе идеи христианских сект, христианство первых веков. Но нельзя и полностью отвергать религиозность взглядов М. Горького.

Бог есть любовь, гласит христианская мораль, и, прежде всего, именно этот мотив любви реализует автор в образе матери. Мать, любя сына, готова отдать его миру, а вместе с ним она отдает людям и свою любовь. Теперь для нее “Все... родные... все вы — сердечные...” [3, т. 8, с. 180].

Определяя сущность религиозного чувства М. Горького, А. Кунарев поднимает вопрос об истоках образа героини повести “Мать”. Литературовед утверждает, что решить эту проблему необходимо, иначе концепция М. Горького будет неясна. А. Кунарев подчеркивает, что речь идет не о прототипе героини, а о происхождении образа, и вопрос этот ранее исследователями не поднимался.

А. Кунарев полагал, что одним из истоков этого образа следует считать сказания о Богородице — и в первую очередь “Сон Богородицы” и “Хождение Богородицы по мукам”. Говоря о народно-религиозных мотивах в повести, прежде всего, отметим выбор Ниловны в качестве центрального персонажа, через призму восприятия которого передается происходящее. В народных сказаниях страдания Христа также показаны через муки Богородицы.

Есть в повести эпизоды, где народно-религиозные истоки видны, так сказать, “невооруженным глазом”. В самом начале второй части Ниловне снится сон, который при ближайшем рассмотрении оказывается контаминацией реальных впечатлений героини и “Сна Богородицы”.

Совершенно очевидно, что ряд деталей приведенных текстов совпадает.

Во-первых, конечно, эта ситуация сна. Однако в фольклорном тексте сон — пророчество, откровение — предшествует событию. У Горького же сон завершает событие (не только демонстрацию, но и вообще предыдущий период и предвещает дальнейшее развитие действия).

Обращает на себя внимание и некоторое сходство описания “Жизни Богородицы до ее успения” [10] и жизни Пелагии Власовой.

Богоматерь всегда, любя сына, поддерживает Его, разделяет Его учение, поклоняется Ему. Но при жизни Христа первостепенное значение имеет Он Сам как Спаситель, а не Его Мать.

Он как бы заслоняет Богородицу своим светом. После распятия Христа Богоматерь оказывается среди его верных учеников, среди апостолов. Теперь не Христос, а Мать Его ведет всех к свету, к учению Сына, проповедует истину, которую открыл миру ее Сын.

В горьковском произведении мы можем отметить те же мотивы. Пока Павел на свободе, именно он играет первостепенную роль, заслоняя собой образ матери. Она поддерживает сына, пытается вникнуть в идеи социализма, понять их.

На место сына Ниловна становится после ареста Павла, теперь она носитель его идей, она воплощает их в себе, органически напитывается теми мыслями, которые раньше лишь пыталась принять. В повести, как в описании жизни Богородицы, появляется мотив пути. Отметим, что образ странника, традиционный для религиозной литературы, а также связанный с ним мотив пути, начиная с середины 1900-х гг. занимают центральное место в произведениях М. Горького. Эти мотивы призваны выразить его идею постижения истины и одновременно — включения в процесс преобразования мира. Ниловна, как и Богоматерь, ходит по земле, проповедуя правду своего сына. "По несколько раз в месяц, переодетая монахиней, торговкой кружевами и ручным полотном, зажиточной мещанкой или богомолкой-странницей, она разъезжала и расхаживала по губернии с мешком за спиной или чемоданом в руках" [3, т. 8, с. 281]. Ранее мать была просто наблюдателем, теперь же она стала соучастницей происходящих событий, мы видим ее среди соратников Павла, подобно тому, как Богоматерь предстает перед нами, окруженная апостолами.

Можно говорить, полагает А. Кунарев, и о своеобразной трансформации в повести некоторых положений учения и обрядовых сторон хлыстов. В хлыстовстве в искаженном виде сохранилось первоначальное — человеческое понимание святости (отсюда почитание друг друга как Христов и Богородиц). Насколько осознанным было это обращение к хлыстовству, судить не беремся, однако несомненно, что обозначая внешнюю параллель, писатель наполняет ее иным смыслом.

Православный исследователь М. М. Дунаев [4] обращает наше внимание на оригинальное решение писателем давней проблемы "отцов и детей". Он отмечает у Горького своего рода уничтожение "отцовства" и вознесение материнского начала.

М. М. Дунаев полагает, "что постоянное внимание к материнскому началу определено включением богоискательского опыта Горького в общий контекст эпохи, в которой едва ли не все идейные искания совершались под знаком "Вечной Женственности" [4, с. 418].

Несомненно, что М. Горький — человек своего времени, вероятно также и то, что он мог воспринять идею Мережковского "Дух есть Мать". Безусловно, однако, что не эта мысль лежит в основе произведения. Вопрос об истоках образа уже был освещен в данной работе.

Мнение исследователя опровергает также и формальное сходство романа не с литературой символистов, посвященных "вечной женственности", а с таким жан-

ром христианской литературы, как житие. Правда, сходство это лишь формальное, но случайным его назвать нельзя.

А. Максимова [7], исследуя роман, отмечает, что “это самое соцреалистическое и самое житийное произведение во всей советской литературе” [7, с. 3]. Горький не раз учил, что ответственной роли литературы должны соответствовать сдержанное стилистическое воплощение, скромные изобразительные средства, главное — правдивость. Житийная литература также ставит чисто художественные задачи на второй план, свидетельствуя о служении, сама обязательно должна быть служением, послушанием.

Использование намеков, словесной или композиционной игры неприемлемо как для жития, так и для соцреализма. И там и здесь каждый эпизод строится на общем утверждении и конкретном примере.

У авторов жития зачин подтвержденного примера всегда одинаков: “однажды”; у Горького эта формула скрыта за бесчисленными синонимами: “как-то вечером, на рассвете, в один из дней, на следующий день”, но чаще всего одно — простое “однажды”.

В житии и в “Матери” нет описаний природы: если в “Матери” что-то в этом роде и появляется, то за каждым эпитетом, метафорой чувствуется мировоззренческая позиция писателя.

Герой жития — человек, предстоящий Богу; героиня горьковского произведения — женщина, несущая людям Божью правду. Она “Божье дело делает”, служа людям” [7, с. 3 – 4].

Никто в русской литературе, ни до Горького, ни после него не пытался воплотить в одном произведении столь противоречивые идеи. Согласно последним исследованиям (работы Г. Митина [8], А. Максимовой [7], М. Агурского [1], А. Кунарева [9]) и благодаря им мы больше не можем говорить о Горьком только как о писателе-атеисте. Но назвать каноническими его религиозные взгляды мы тоже не можем. Следует еще раз отметить, что рассмотренная нами повесть — это не итог философских поисков автора, а лишь этап. Возможно, автор сам не осознавал тех глубин религиозного мышления, которых достиг. Писатель, обладающий “разорванным сознанием”, соединил два, на первый взгляд, противоположных начала: духовную “революцию” I века и социалистическую революцию XX века. Именно этот синтез делает роман “Мать” одновременно и “учебником для революционеров”, “образцом социалистического реализма”, и одним из самых философски насыщенных произведений в творчестве писателя.

Г. Митин совершенно, на наш взгляд, справедливо назвал эту повесть “Евангелием от Максима” [8].

Список литературы

1. Агурский М. Великий еретик (Горький как революционный мыслитель)// Вопросы философии — 1991. — №8. — С. 54 – 74.
2. Библийская энциклопедия. — М., 1990.
3. Горький А. М. Собрание сочинений: В 30 томах — Т 8, 15, — М., 1950.

4. Дунаев М. М. Православие и русская литература. — Ч. 5 — М., 1999 — 731 с.
5. Егорова Л. П. М. Горький и Ф. Ницше. (К проблеме творческого метода)// Горьковские чтения. — Н. Новгород, 1994.
6. Есаулов И. И. Жертва и жертвенность в повести М. Горького "Мать" // Вопросы литературы — 1998. — №6 — С. 58–72.
7. Максимова А. Житие великомучеников и предстателей Павла и Пелагеи // Литература — 1995 — №43. — С. 3–4.
8. Митин Г. Евангелие от Максима//Лит. в школе — 1989 — №4 — С. 28–37.
9. Кунарев А. Апокрифические истоки прозы М. Горького 1890–1900-х гг: Автореф дис. ... к-та филологич. наук. — М., 1996 — 30 с.
10. Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. М., 1904. — 326 с.
11. Страда В. Светская литература и русский литературный процесс XX в.// Вестник МГУ. Сер. 9. — 1995. — №3.

Чембровиц О. В. Повесть М. Горького «Мать»: релігійно-філософська концепція.

У цій статті розглянуто повість М. Горького «Мать» у рамках нового погляду на теорію соціалізму. Проаналізовані також основні філософські ідеї, втілені автором в цьому творі, виявлена релігійно-філософська концепція твору.

Ключові слова: образ, християнство, соціалізм, релігія

Chembrovich O. V. The post-graduate student of faculty of the Russian and foreign literature.

This article examines the story of M. Gor'kij «Mother», within the frame of new view on the theory of socialist realism. Are analyzed the basic philosophical ideas, incarnated by the author in this work. The religious- philosophical concept of the narrative is brought to the front.

Key words: Image. Christianity. Religion. Concepts.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2006 г.